

Бешукова З.М.

ОСОБЕННОСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКСТРЕМИЗМ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РСФСР 1926 ГОДА

Аннотация. В статье исследуются положения Уголовного кодекса РСФСР 1926 года, устанавливающие в той или иной степени ответственность, за деяния, которые в соответствии с ныне действующим законодательством, подпадают под понятие экстремизма (экстремистской деятельности). Деяния, подпадающие под легальное определение экстремизма, включены в разные главы и разделы Уголовного кодекса РФ. Вместе с тем большинство из них относится к преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства, против общественной безопасности и общественного порядка. Методологической основой настоящего исследования служат базовые положения диалектического метода познания явлений и процессов объективной действительности. Также в работе использовались современные общенаучные, частнонаучные и специальные методы исследования: логико-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурного анализа и др. Проведен комплексный анализ норм УК РСФСР 1926 г., регламентирующих ответственность за государственные преступления. Сделан вывод, что в УК 1926 г. основные изменения в сфере противодействия деяниям, содержащим признаки экстремизма в современном его понимании, внесены в связи с принятием ЦИК СССР 25 февраля 1927 г. Постановления «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)». Констатируется, что в сравнении с УК РСФСР 1922 г. в УК РСФСР 1926 г. не произошло коренных изменений в конструкции ответственности за преступления, содержащие признаки экстремизма. УК 1926 г. сохранил преемственность с УК 1922 г., выразившуюся, в частности, в уравнивании ответственности участников и организаторов контрреволюционных преступлений. Более того в УК 1926 г. сохранилась и казуистичность норм об ответственности за контрреволюционные преступления, характерная для предыдущего УК. Вместе с тем, в УК 1926 г. были криминализованы пропаганда и агитация, направленные не только на возбуждение национальной, но и религиозной вражды или розни, что в свою очередь, свидетельствует о постепенном отражении в уголовном законе, сформулированных в Конституции РСФСР 1925 г. идей расового, национального равноправия.

Ключевые слова: пропаганда, агитация, Уголовный кодекс 1926г., Советская власть, возбуждение вражды, государственные преступления, экстремизм, террористический акт, уголовная ответственность, контрреволюционное преступление.

Abstract. This article examines the provisions of the 1926 RSFSR Criminal Code that establish responsibility for actions, which in accordance with the currently existing legislation, qualify under the notion of extremism (extremist activity). Actions that fall within the legal definition of extremism are included into the various chapters and sections of the Criminal Code of Russian Federation. At the same time, the majority of them are referred to as crimes against the foundations of constitutional structure and state security, as well as public security and public order. The author conducts a comprehensive analysis of the norms of the 1926 RSFSR Criminal Code, which regulate the responsibility for state crimes. The conclusion is made that in the Criminal Code of RSFSR of 1926 the main changes pertaining to the counteraction against actions containing the signs of extremism in its modern understanding, were made due to the enactment of the "Position on propaganda or agitation involving a call for the overthrow, subversion, or weakening of Soviet authority or for the carrying out of other counterrevolutionary crimes" by the 25th Central Executive

Committee of the Soviet Union in February of 1927. The author claims that there were no major differences with regards to crimes of extremism character during the comparison of the Criminal Codes of 1922 and 1926. The Criminal Code of 1926 maintained continuation of the Criminal Code of 1922, which is particularly expressed in equalization of responsibility for participation and organization of the counterrevolutionary crimes. In addition to that, in the Criminal Code of 1926 the propaganda and agitation aimed at instigation of national or religious animosity, which testifies about the gradual reflection in the criminal law of the formulated in the 1925 RSFSR Constitution ideas of racial and national equality.

Key words: *act of terrorism, propaganda, agitation, Criminal Code of 1926, Soviet Authority, incitement hostility, state crimes, extremism, criminal responsibility, counterrevolutionary crime.*

22 ноября 1926 года вторая сессия ВЦИК XII созыва приняла Постановление «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года» (далее – Постановление 1926 г.) [1]. В соответствии со ст. 1 Постановления Уголовный кодекс (далее – УК, УК 1926 г., УК РСФСР 1926 г.) вводился в действие с 1 января 1927 года, за исключением статей о контрреволюционных преступлениях и особо опасных для Союза ССР преступлениях против порядка управления.

В новом Уголовном кодексе произошли изменения, касающиеся его структуры, а именно, Общая часть подразделялась только на разделы, а Особенная – только на главы. Кроме того в отличие от УК 1922 г., УК 1926 г. не оперировал термином «государственные преступления». В связи с этим контрреволюционные преступления были выделены в самостоятельную главу (первую) Особенной части УК под названием «Контрреволюционные преступления», состоявшую из восемнадцати статей (ст. ст. 58.1-58.18).

В УК РСФСР 1926 г. понятие контрреволюционных преступлений не подверглось изменениям и сохранилось таким же, как и в УК 1922 г. Однако необходимо отметить, что ранее, Постановлением второй сессии ВЦИК десятого созыва «Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса РСФСР.» от 10 июля 1923 г. понятие контрреволюционного преступления, содержащееся в УК 1922 г., претерпело изменения. В соответствии с изменениями, внесенными в дефиницию контрреволюционного преступления, таковым стало признаваться не только «всякое действие, направленное к свержению власти Рабоче-Крестьянских Советов», но и действие, направленное на ее подрыв или ослабление, а также действие, «которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных це-

лей, тем не менее, заведомо для совершившего его, содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции» [2]. Этим же Постановлением в ст. 63 УК 1922 г. были внесены изменения и был создан новый состав преступления – экономическая контрреволюция, которая выражалась в противодействии «нормальной деятельности государственных учреждений и предприятий» или соответствующем использовании их «для разрушения и подрыва государственной промышленности, торговли и транспорта, в целях совершения деяний, предусмотренных ст. 57». Помимо изменения редакции диспозиции, статья 63 УК была дополнена частью 2, в которой устанавливалась ответственность за «те же действия, при отсутствии признаков ст. 57».

Важное изменение было внесено и в ст. 67 УК 1922 г., согласно которому был расширен круг лиц, подпадающих под действие данной нормы. Субъектами преступления, предусмотренного рассматриваемой статьей, стали признаваться также лица на «особо секретных должностях при царском строе» (агентура).

Следует отметить, что глава УК 1926 г. о контрреволюционных преступлениях носила временный характер. Так, согласно ст. 2 Постановления 1926 г. до принятия ЦИК СССР Положения о государственных преступлениях в новый Уголовный кодекс были включены статьи УК 1922 г. (с незначительными редакционными изменениями), устанавливающие ответственность за обозначенные преступления. Ввиду изложенного в УК 1926 г. не было серьезных изменений в сравнении с УК 1922 г., касающихся перечня контрреволюционных преступлений и конструкции их составов. Данный перечень дополнился всего двумя новыми составами, а именно:

1) недонесение о контрреволюционных преступлениях – ст. 58.12 УК 1926 г. Ранее ответственность за данное деяние была предусмо-

трена в ст. 89 раздела второго «О преступлениях против порядка управления» УК 1922 г.

2) Использование религиозных предрассудков с целью свержения рабоче-крестьянской власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям – ст. 58.14 УК РСФСР 1926 г. В УК 1922 г. ответственность за данное преступление была предусмотрена в ст. 119 главы третьей «Нарушение правил об отделении церкви от государства».

25 февраля 1927 г. ЦИК Союза ССР принял Постановление «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)» [3]. Данное Положение состояло из двух разделов: 1) о преступлениях контрреволюционных и 2) об особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления. Указанное обстоятельство позволяет сделать вывод, что государственные преступления подразделялись на две одноименные группы.

Следует отметить, что ЦИК Союза ССР постановил «утвердить для включения в уголовные кодексы союзных республик» Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) (далее – Положение).

Постановлением ВЦИК и СНК от 6 июня 1927 г. «Об изменении Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года» [4] в связи с принятием Положения в УК 1926 г. были внесены соответствующие изменения. Так, в УК РСФСР 1926 г. появляется термин «Преступления государственных». Его содержание в УК не раскрывалось, а смысловая нагрузка заключалась лишь в объединении в одной главе преступлений, признаваемых законодателем государственными, (глава первая Особой части). Глава «Преступления государственных», заменившая в УК место главы первой «Контрреволюционные преступления» и главы второй «Преступления против порядка управления», состояла из двух частей: «Контрреволюционные преступления» – часть первая, и «Особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления» – часть вторая. Часть первая содержала, как и Положение, четырнадцать статей, часть вторая – восемнадцать статей. В УК 1926 г. отсутствовали наименования статей, как и в УК 1922 г.

Анализ изменений, внесенных Положением в УК 1926 г., позволяет сделать следующие выводы:

1) Изменено и дополнено понятие контрреволюционного преступления.

Во-первых, из данного понятия была полностью исключена вторая его половина, начиная со слов «а также действия в направлении помощи ...». Следует отметить, что действия, «выпавшие» из понятия контрреволюционного преступления были криминализованы в ст. 4 Положения (ст. 59.4 УК 1926 г. в новой редакции).

Вместо исключенного текста внесено дополнение, указывающее, что контрреволюционным признается не только действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению Рабоче-крестьянских советов, но и действие, направленное «к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции» [5]. В прежней редакции говорилось о покушении на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции, даже если оно непосредственно не направлено на свержение власти Рабоче-крестьянских Советов, а также на ее подрыв или ослабление.

Во-вторых, в новое понятие контрреволюционного преступления введено дополнение, в соответствии с которым «в силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР».

2) Изменено количество статей о контрреволюционных преступлениях с восемнадцати до четырнадцати. Сокращение количества статей было достигнуто, во-первых, за счет объединения всех форм антисоветской агитации и пропаганды и организованной деятельности в две самостоятельные статьи (ст. ст. 10 и 11 Положения, ст. ст. 58.10. и 58.11. УК 1926 г. соответственно), и, во-вторых, – исключения четырех самостоятельных составов, предусмотренных ст. 58.12, 58.15, 58.16 и 58.18 УК 1926 г., из числа контрреволюционных преступлений.

3) Из диспозиции статьи, регламентирующей ответственность за организацию террористического акта и участие в нем, было исключено указание на контрреволюционную деятельность как на обязательную цель такого деяния. Таким образом, совершение террористических актов, направленных против любого представителя Советской власти или дея-

теля революционных рабочих и крестьянских организаций, признавалось государственным преступлением и при отсутствии контрреволюционной цели (ст. 58.8 УК 1926 г.). Более того, представляется, что указанное изменение создавало трудности при отграничении данного преступления от смежных преступлений (ст. 73, 73.1 УК РСФСР 1926 г.).

4) Изменения, внесенные Положением 1927 г., не повлияли на расположение в структуре Уголовного кодекса статьи, регламентирующей ответственность за посягательство на межнациональные отношения. Она была включена во вторую группу государственных преступлений, как и в УК 1922 г., и располагалась во второй части главы первой Особой части УК. Изменился только ее порядковый номер – ст. 59.7 (до внесения соответствующих изменений – ст. 59.6 УК 1926 г.).

Вместе с тем в первоначальную редакцию диспозиции статьи, регламентирующей ответственность за посягательство на межнациональные отношения, были внесены изменения, расширившие признаки объективной стороны рассматриваемого состава преступления, а именно криминализованы пропаганда и агитация, направленные не только на возбуждение национальной, но и религиозной вражды или розни. Именно данная статья устанавливала главные правовые барьеры против злоупотребления свободой слова, свободой выражения своего мнения.

Следует отметить, что в ст. 13 Конституции РСФСР, вновь принятой в 1925 г., как и в ранее действовавшей Конституции 1918 г., перечень признаков, по которым не допускалось угнетение или ограничение прав и свобод в РСФСР являлся исчерпывающим и включал всего два признака – расовый и национальный. В Конституции также закреплялась свобода совести, свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды, свобода выражения своих мнений, свобода собраний, свобода организации и действия. Несмотря на то, что данные свободы человека были закреплены в Конституции РСФСР 1925 г. [6], последняя прямого запрета на пропаганду и агитацию национальной, религиозной вражды и (или) розни не содержала, как и Конституция 1918 г.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 59.7 УК РСФСР 1926 г., заключалась в совершении следующих альтернативных действий:

- «пропаганда или агитация, направленные к возбуждению национальной или религиозной вражды или розни»;
- «распространение или изготовление и хранение литературы того же характера» [5].

Таким образом, в новой редакции диспозиции анализируемой статьи был указан способ совершения преступления – распространение, изготовление и хранение литературы, могущей вызвать национальную или религиозную вражду или рознь. Следует отметить, что отдельные ученые считают, что ранее «данный вид возбуждения национальной вражды и розни не был известен УК РСФСР 1922 года» [7, с. 69]. Однако нам данная позиция представляется неверной. Текстуральное изложение диспозиции ст. 83 УК РСФСР 1922 г., регламентирующей ответственность за аналогичное деяние, не позволяет сделать вывод, что возбуждение национальной вражды и розни путем распространения литературных произведений не признавалось уголовно-наказуемым деянием. Так, под агитацией в юридической литературе советского периода понималось «распространение какой-либо одной идеи или нескольких идей среди большого (неограниченного) круга лиц, а под пропагандой – распространение многих идей, но среди ограниченного круга лиц или отдельных граждан» [8, с. 61-62]. Из представленных определений следует, что общим для этих двух понятий является распространение тех или иных идей, а единственный критерий их разграничения – количество лиц, которым были адресованы соответствующие идеи. Однако в данных определениях не указывалось, являются ли пропаганда и (или) агитация устной, письменной или печатной деятельностью отдельных лиц, групп лиц и т.д. по распространению соответствующих идей и взглядов. Кроме того слова «всякого рода» в словосочетании «агитация и пропаганда всякого рода» в диспозиции ст. 83 УК позволяют заключить, что агитация и пропаганда могут быть как письменными, так и устными.

Изложенное позволяет сделать вывод, что возбуждение национальной вражды и розни путем распространения литературных произведений являлось уголовно-наказуемым деянием. Данный вывод подтверждается и тем, что в новой редакции диспозиции соответствующей статьи были исключены слова «всякого рода». Представляется, что законодателем были сделаны редакционные изменения, уточняющие содержание объективной стороны преступления,

а не введен новый «вид» возбуждения вражды, ранее не известный УК РСФСР 1922 г.

Квалифицирующим признаком данного преступления было его совершение в военной обстановке или во время массовых волнений.

Необходимо отметить, что в ст. 58.10 УК РСФСР устанавливалась ответственность за так называемую антисоветскую пропаганду и агитацию. Одним из квалифицирующих признаков этого преступления было его совершение с использованием религиозных или национальных предрассудков масс. Ранее нами было отмечено, что данная норма не являлась новеллой в УК РСФСР 1926 г. Норма, предусматривающая ответственность за аналогичное деяние, содержалась в ст. 119 УК 1922 г. Она была включена в главу третью под названием «Нарушение правил об отделении церкви от государства» УК РСФСР 1922 г. Судя из расположения рассматриваемой статьи в структуре УК, законодатель не относил данное преступление к числу контрреволюционных. Однако следует отметить, что рассматриваемая норма не содержала собственной санкции, и законодатель отсылал правоприменителя к наказаниям, установленным за совершение контрреволюционного преступления (антисоветскую пропаганду и агитацию (ст. 69 УК 1922 г.)). Из указанного обстоятельства следует, что данное преступление приравнивалось к контрреволюционным преступлениям. Представляется, что именно по этой причине в УК РСФСР 1926 г. законодатель отнес данное деяние к контрреволюционным преступлениям и установил уголовную ответственность за него в ст. 58.14. Изменения, внесенные в УК 1926 г. Положением 1927 г., никоим образом не повлияли на расположение ст. 58.14 в структуре УК. Они лишь объединили все формы антисоветской агитации и пропаганды в самостоятельную статью (ст. 58.10 УК 1926 г.). По сути, единственным существенным изменением редакции диспозиции данной нормы стало расширение содержания объективной стороны преступления путем включения указания на альтернативный способ совершения данного преступления – использование национальных предрассудков.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос о конкуренции составов преступлений, предусмотренных ст. 59.7 и ч. 2 ст. 58.10 УК РСФСР. Представляется, что критерием разграничения данных преступлений выступает субъективная сторона преступления. В случае если обязательным признаком субъективной сто-

роны преступления являлась цель свержения, подрыва или ослабления Советской власти или совершение отдельных контрреволюционных преступлений, а религиозные или национальные предрассудки масс используются для достижения указанных целей, то деяние подлежало квалификации по ч. 2 ст. 58.10 УК РСФСР. Если же пропаганда и агитация были направлены только на возбуждение вражды или розни по определенным в законе признакам, то данные действия образовывали состав преступления, предусмотренный ст. 59.7 УК РСФСР.

Постановлением ВЦИК от 6 апреля 1928 г. УК 1926 г. был дополнен главой десятой «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта». Действие указанной главы распространялось лишь на те местности РСФСР, где общественно-опасные действия, перечисленные в данной главе, среди проживающих на данной территории национальностей являлись пережитками родового быта. В рассматриваемой главе содержалась статья, регламентирующая ответственность за межплеменную вражду, – ст. 201 УК. В соответствии с диспозицией ст. 201 УК 1926 г. организаторы и руководители нападений на личность, семью, род или племя, на жилище или места обитания, совершенные при участии большого числа сородичей или соплеменников по мотивам родовой или племенной вражды, наказывались лишением свободы на срок до одного года.

В главе четвертой УК РСФСР 1926 г. под названием «Нарушение правил об отделении церкви от государства», как и в одноименной главе УК 1922 г., регламентировалась ответственность за преступления в сфере государственно-церковных отношений. Данная глава не претерпела существенных изменений за исключением вышеупомянутого изменения (исключения ст. 119) и была идентична соответствующей главе УК 1922 г.

Однако необходимо ответить, что в структуре рассматриваемой главы произошли изменения, а именно, законодатель произвел рокировку статей, устанавливающих ответственность за «совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах населения» (ст. 120 УК 1922 г., ст. 123 УК 1926 г.) и «преподавание малолетним и несовершеннолетним религиозных вероучений в государственных или частных учебных заведениях и школах или с нарушением установленных для этого правил» (ст. 121 УК 1922 г., ст. 122 УК 1926 г.). Как видим, статья, ре-

гламентирующая ответственность за последнее деяние, в УК 1926 г. была помещена на первое место в соответствующей главе. Представляется, что перестановка мест данных статей в УК 1926 г. имела политический характер.

В УК РСФСР 1926 г., как и в УК 1922 г., мотив ненависти или вражды по тем или признакам в качестве квалифицирующего признака в ряде статей Особенной части и качестве одного из отягчающих обстоятельств выделен не был. Несмотря на то, что в УК 1926 г. в отличие от УК 1922 г., обстоятельства, отягчающие или смягчающие ответственность, законодателем были выделены специальной нормой (ст. 47).

В ст. 47 УК РСФСР 1926 г. в числе отягчающих обстоятельств при определении той или иной меры социальной защиты, были выделены следующие:

«а) совершение преступления в целях восстановления власти буржуазии;

б) возможность нанесения совершением преступления ущерба интересам государства или трудящихся, хотя бы преступление и не было направлено непосредственно против интересов государства или трудящихся» [5]. Таким образом, совершение преступления, содержащего признаки экстремистской деятельности в современном ее понимании, влекло более строгое наказание.

Подводя итоги проведенного исследования, можно выделить следующие особенности развития уголовного законодательства в сфере противодействия деяниям, содержащим признаки экстремизма:

1) Признание контрреволюционным преступлением соответствующих деяний, направ-

ленных на «всякое другое государство трудящихся», не входящее в состав Союза ССР, являлось весьма прогрессивной новеллой и свидетельствовало о закреплении в уголовном законе принципа международного сотрудничества в борьбе с преступлениями, содержащими признаки экстремистской деятельности в современном ее понимании.

2) В сравнении с УК РСФСР 1922 г. в УК РСФСР 1926 г. не произошло коренных изменений в конструкции ответственности за преступления, содержащие признаки экстремизма. УК 1926 г. сохранил преемственность с УК 1922 г., выразившуюся, в частности, в уравнивании ответственности участников и организаторов контрреволюционных преступлений. Более того в УК 1926 г. сохранилась и казуистичность норм об ответственности за контрреволюционные преступления, характерная для предыдущего УК.

3) Исключение из диспозиции статьи, регламентирующей ответственность за организацию террористического акта и участие в нем, указания на контрреволюционную деятельность как на обязательную цель такого деяния являлось весьма необоснованным решением законодателя. Представляется, данное изменение вызвало определенные трудности при разграничении смежных составов (ст. ст. 58.8, 73, 73.1 УК РСФСР 1926 г.).

4) Криминализация пропаганды и агитации, направленных не только на возбуждение национальной, но и религиозной вражды или розни свидетельствует о постепенном отражении в уголовном законе, сформулированных в Конституции РСФСР 1925 г. идей расового и национального равноправия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») // СПС «Консультант Плюс».
2. Постановление ВЦИК от 10 июля 1923 г. «Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса РСФСР». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1728.htm
3. Постановление ЦИК СССР от 25 февраля 1927 г. «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)» // СПС «Консультант Плюс».
4. Постановление ВЦИК и СНК от 6 июня 1927 г. «Об изменении Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года». URL: <http://www.alppp.ru/law/ugolovnoe-pravo--ispolnenie-nakazaniy/16/postanovlenie-vcik-snk-rsfsr-ot-06-06-1927.html>
5. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года (с изменениями по состоянию на 1 марта 1957 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374>

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

6. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/185477/chapter/1/
7. Кунц Е.В. Преступность на почве межнациональных и религиозных конфликтов и уголовно-правовые меры борьбы с нею: Дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 1998. С. 4.
8. Государственные преступления: учеб. пособие по Советскому уголовному праву / Под ред. М.И. Якубовича и В.А. Владимирова. М.: «Высшая школа», 1961. 228 с.

REFERENCES

1. Postanovlenie VTsIK ot 22 noyabrya 1926 g. «O vvedenii v deistvie Ugolovnoho Kodeksa R.S.F.S.R. redaktsii 1926 goda» (vmeste s «Ugolovnym Kodeksom R.S.F.S.R.») // SPS «Konsul'tant Plyus».
2. Postanovlenie VTsIK ot 10 iyulya 1923 g. «Ob izmeneniyakh i dopolneniyakh Ugolovnoho kodeksa R.S.F.S.R.» URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1728.htm
3. Postanovlenie TsIK SSSR ot 25 fevralya 1927 g. «Polozhenie o prestupleniyakh gosudarstvennykh (kontrevolyutsionnykh i osobo dlya Soyuza SSR opasnykh prestupleniyakh protiv poryadka upravleniya)» // SPS «Konsul'tant Plyus».
4. Postanovlenie VTsIK i SNK ot 6 iyunya 1927 g. «Ob izmenenii Ugolovnoho kodeksa RSFSR redaktsii 1926 goda». URL: <http://www.alppp.ru/law/ugolovnoe-pravo--ispolnenie-nakazaniy/16/postanovlenie-vcik-snk-rsfsr-ot-06-06-1927.html>
5. Ugolovnyi kodeks RSFSR redaktsii 1926 goda (s izmeneniyami po sostoyaniyu na 1 marta 1957 goda). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374>
6. Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoi Respubliki (utverzhdena postanovleniem XII Vserossiiskogo S'ezda Sovetov ot 11 maya 1925 g.). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/185477/chapter/1/
7. Kunts E.V. Prestupnost' na pochve mezhnatsional'nykh i religioznykh konfliktov i ugolovno-pravovye mery bor'by s neyu: Diss. ... kand. jurid. nauk. Chelyabinsk, 1998. S. 4.
8. Gosudarstvennye prestupleniya: ucheb. posobie po Sovetskomu ugolovnomu pravu / Pod red. M.I. Yakubovicha i V.A. Vladimirova. M.: «Vysshaya shkola», 1961. 228 s.